AM
E42

НАРОДНЫЯ БЕСѢДЫ.

I.

Чѣмъ силенъ нѣмецъ и какъ его побѣдить?

Н. Езерскаго.

Цѣна 12 коп.

ИЗДАНІЕ 2-е.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Б. Тверская-Ямская, 16. Счетоводные Курсы Ѳ. В. Езерскаго.

ДМ
Е42

НАРОДНЫЯ БЕСѢДЫ.

I.

Чѣмъ силенъ нѣмецъ и какъ его побѣдить?

Н. Езерскаго.

Цѣна 12 коп.

ИЗДАНІЕ 2-е.

Москва 1916.

Типографія „Крестнаго Календаря“, Долгоруковская ул., д. 33.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
549513 V.M

Чѣмъ силенъ нѣмецъ и какъ его побѣдить?

I.

Когда началась, 19 іюля 1914 года, война, всѣ предвидѣли, что она будетъ трудна, но многимъ казалось, что такая ужасная міровая война не можетъ продолжаться долго. Много народовъ приняли въ ней участіе. Австрія напала на Сербію, Германія — на Россію. Кромѣ Россіи императоръ германскій объявилъ войну также нашей союзницѣ Франціи, а чтобы удобнѣе напасть на нее, онъ вторгся въ Бельгію, которую разорилъ дотла. Возмущенные этимъ, англичане объявили ему войну, за ними — ихъ союзники, японцы, которые теперь оказались на нашей сторонѣ. Черногорцы вступились за своихъ братьевъ — сербовъ. Затѣмъ, въ маѣ 1915 г., вступила въ войну на нашей сторонѣ Италія. Восемь государствъ теперь борются противъ нѣмцевъ, которые нашли себѣ поддержку только у турокъ, старыхъ враговъ нашихъ, да нѣмецкіе князья на балканскихъ престолахъ тянутъ ихъ руку въ Болгаріи, Греціи и Румыніи вопреки желанію народа этихъ странъ. Англичане, благодаря многочисленному, сильному флоту, отрѣзали нѣмцамъ почти всякій подвозъ припасовъ изъ-за моря, и многіе думали, что нѣмцамъ скоро придетъ конецъ. Между тѣмъ прохо-

дилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а война тянулась безъ рѣшительнаго успѣха ни на той, ни на другой сторонѣ. Минулъ годъ съ объявленія войны, а вопросъ все еще не рѣшенъ, все еще нѣмцы бьются упорно и надѣются заставить союзниковъ просить мира и оставить нѣмцамъ то, что они успѣли захватить за первый годъ — Бельгію и часть нашихъ западныхъ губерній.

Чѣмъ такъ силенъ нѣмецъ? Многіе объясняютъ тѣмъ, что нѣмцы хорошо подготовились, что они замышляли войну давно, да и народъ воинственный, не жалѣли денегъ на все, что нужно для вооруженія арміи. Это вѣрно. У нихъ умъ и вниманіе уже сорокъ лѣтъ заняты были однимъ вопросомъ: усиленіемъ арміи и флота, обезпеченіемъ себѣ господства. Какъ мы ни старались снабдить свое войско всѣмъ нужнымъ, все-таки никто не предвидѣлъ, что война будетъ такая жестокая и затяжная и потребуетъ столько снарядовъ. Однако, одной подготовкой нѣмцевъ нельзя всего объяснить: вѣдь война длится ужъ годъ, и у нѣмцевъ прежніе запасы могли бы истощиться. Да и самую подготовку не провели бы они такъ мастерски, если бы не было въ народѣ нѣкоторыхъ качествъ, которыя составляютъ ихъ силу и за которыя можно бы ихъ похвалить, если бы только они эти качества не употребляли на пагубу человѣчеству ради своей корысти.

Нѣмецъ привыкъ къ упорному труду, терпѣливъ и настойчивъ: это — первое, что слѣдуетъ сказать про него. Какъ усердно обра-

батываетъ онъ свой клочокъ земли, сколько умѣетъ изъ него извлечь! Въ то время какъ у насъ десятина даетъ въ среднемъ 44 пуда пшеницы,—у него она даетъ 134 пуда; овесъ у насъ родится 49 пуд., у нихъ—123 пуда на дес., льна у насъ 20 пуд., у нихъ—38 пудовъ. Земли у нихъ мало, она хуже нашей такого чернозема, какъ у насъ, тамъ нѣтъ, а народъ живетъ гораздо тѣснѣе нашего, и, чтобы прокормиться, ему приходится работать не покладая рукъ. Терпѣніе есть свойство нѣмецкаго нрава, но отчасти оно—слѣдствіе воспитанія, пріученія дѣтей съ малолѣтства къ полезной работѣ, отсутствіе баловства.

Мы привыкли говорить: „аккуратенъ, какъ нѣмецъ“,—и даже посмѣивались надъ ихъ мелочностью. А на самомъ дѣлѣ въ этомъ скрыта великая сила, которая и сказалась во время войны. Аккуратность нѣмцевъ зависитъ отъ ихъ привычки дѣлать все во-время. Кто бывалъ въ Германіи, замѣчалъ, какъ тамъ быстро исполняется работа, какъ точно по расписанію ходятъ поѣзда, потому что всякій человѣкъ на мѣстѣ и рабочее время не пропадаетъ ни у кого зря. Во время войны уже одна эта аккуратность въ поѣздахъ важная вещь, потому что все во время подвезено къ мѣсту сраженія. Но мало этого: у каждаго нѣмца есть сознаніе, что его работа помогаетъ общему дѣлу, что каждая маленькая часть вліяетъ на цѣлое, что отъ одного гвоздя можетъ пропасть подкова, отъ подковы—лошадь, отъ лошади всадникъ, а

отъ всадника можетъ пропасть цѣлое сраженіе,— если, напримѣръ, развѣдчикъ во́-время не донесетъ командиру про движеніе непріятеля,— а потому даже ковка лошадей или изготовленіе солдатскихъ сапогъ составляютъ во время войны важную обязанность передъ отечествомъ.

Разумѣется, такое пониманіе важности своей работы получается отъ большаго образованія, оттого, что человѣкъ больше читаетъ книгъ и газетъ, вдумывается въ то, что онъ дѣлаетъ и что слышитъ кругомъ себя. Въ этомъ опять-таки преимущество нѣмцевъ, потому что школъ у нихъ много и поставлены онѣ хорошо: вмѣсто 3—4 лѣтъ, какъ у насъ, они учатся 7—8 лѣтъ и много напряженнѣе нашего, лѣтъ съ 5, когда у насъ мальчикъ еще баклуши бьетъ. Безграмотный тамъ рѣдкость, а большинство, кромѣ грамоты, учатся и всякимъ ремесламъ.

Ученье есть самая главная причина того, что нѣмцы лучше нашего снабжены снарядами. Они умѣютъ примѣнять все, что наука дала лучшаго, къ своей промышленности, пользуются хорошими машинами, ускоряющими работу, выдумываютъ много новаго или совершенствуютъ старое. Вотъ почему у насъ до сихъ поръ было такъ много нѣмецкихъ издѣлій: мы многаго не умѣли работать такъ дешево, какъ нѣмцы. Мало того: разъ рабочій образованъ, онъ скорѣе можетъ научиться всякому дѣлу. Когда настала война, нѣмцы прекратили многія производства, которыя ненужны для войны, и пере-

вели рабочихъ на другое дѣло,—напримѣръ, на изготовленіе снарядовъ или пороха. Свѣдущій образованный рабочій можетъ скорѣе научиться новому дѣлу, чѣмъ тотъ, кто только самоучкой дошелъ до какого-нибудь ремесла и никогда въ жизни ничего другого не зналъ. Во всякой странѣ всегда есть тысячи рабочихъ безъ заработка, есть многіе предметы,—духи, мебель, хорошее платье,—безъ которыхъ во время войны легко обойтись, и если всѣ эти рабочія руки освободить и направить только на производство военныхъ предметовъ, то получится громадное увеличеніе ихъ. Это-то и было сдѣлано въ Германіи съ перваго мѣсяца войны, вотъ почему у нихъ запасы не оскудѣваютъ.

Задача перемѣщать рабочихъ нелегкая, потому что нужно сообразить новое распредѣленіе работы, дать заблаговременно заказы, подучивать рабочихъ. Для этого нуженъ большой порядокъ въ дѣлахъ, умѣнье руководить большими толпами рабочихъ, распредѣлять силы такъ, чтобы онѣ не тратились зря. Въ этомъ нѣмцы наторѣли благодаря развитію своей промышленности, которая снабжала весь міръ своими произведеніями. Нужно смѣтка, порядокъ, согласованность дѣйствій, но нужна и со стороны рабочихъ большая дисциплина для приведенія всего новаго порядка въ исполненіе. Конечно, если бы каждый сталъ выбирать себѣ работу только по сердцу, по вкусу, то не было бы порядка, и армія не получала бы

всего, что ей нужно. Здѣсь дѣло опять возвращается къ тому, о чемъ говорено выше. у нѣмцевъ есть сознаніе, что нужно биться до послѣдняго и нужно дѣлать то, что укажутъ знающіе люди, чтобы одолѣть врага. Это подчиненіе общему плану, общей волѣ всегда было у нѣмцевъ сильно, а теперь, когда они видятъ свое отечество въ опасности, готовность къ повиновенію и жертвамъ у нихъ еще больше, чѣмъ въ обычное время. Мы ожидали, что они сдадутся отъ одного страха голода, потому что Германіи вообще не хватаетъ своего хлѣба, и можно было думать, что они съѣдятъ его еще въ теченіе зимы. Между тѣмъ у нихъ ввели очень строгія правила потребленія хлѣба, запретили продавать больше, чѣмъ полфунта на человѣка, и такъ, урѣзывая себя во всемъ, они все-таки дожили до новаго урожая. Несомнѣнно, что на второй годъ имъ будетъ еще тяжелѣй, придется подмѣшивать къ мукѣ разные отбросы, потому что запасовъ отъ прошлаго теперь не осталось никакихъ, особенно уменьшилось количество скота. Однако нельзя разсчитывать на это, потому что мы видимъ, что нѣмцы способны на большія лишенія ради отечества. У нихъ теперь каждый человѣкъ чувствуетъ, что ведетъ войну, она стала по настоящему всенароднымъ дѣломъ, и, сплоченные тѣсной громадой, они еще не устаютъ биться со всѣми врагами. Привыкшіе къ упорному труду, вооруженные знаніями, подчиненные одной волѣ своего императора, они слѣпо

идутъ впередъ, не отдавая себѣ даже отчета, насколько нынѣшняя война нужна для ихъ отечества. Да и поздно имъ теперь разсуждать. Слишкомъ много крови ими пролито, слишкомъ много преступленій накопилось на германскомъ имени, чтобы теперь міръ простилъ имъ, замирился на пустякахъ и все вернулось въ прежнее положеніе. Мы увидали, на что способны нѣмцы, и должны противъ нихъ бороться всѣми силами, чтобы избавить своихъ потомковъ отъ повторенія нынѣшнихъ ужасовъ.

II.

Въ самомъ дѣлѣ, на-ряду съ тѣми качествами нѣмцевъ, какія выше перечислены, народность эта, преимущественно одна часть ея — пруссаки, кототорые господствуютъ въ Германіи и къ которымъ принадлежитъ самъ императоръ, отличается такими свойствами, что поладить съ нею мирнымъ образомъ стало невозможнымъ. Нѣмецъ трудолюбивъ, ученъ и патріотиченъ, это — качества, за которыя его можно бы уважать. Но, къ сожалѣнію, они внушили ему большое самомнѣніе, а любовь его къ своему отечеству выродилась въ презрѣніе ко всѣмъ другимъ народамъ и въ желаніе властвовать надъ ними, обирать другіе народы ради обогащенія своихъ согражданъ. Всѣмъ извѣстно, какъ широко они разселились по Россіи, какъ много съ нами торговали и сколько барыша извлекали изъ этой торговли. Несомнѣнно, многимъ милліонамъ нѣмцевъ при-

шлось бы плохо если бы подъ бокомъ у нихъ не было Россіи съ ея обширными пространствами и слабо развитой промышленностью. Вѣдь намъ приходилось покупать много нѣмецкихъ фабричныхъ издѣлій, потому что не было своихъ. Нѣмцы стали строить у насъ фабрики, чтобы обойти заставу и не платить таможенныхъ пошлинъ, и при нашей русской лѣни и покладистости мы не видѣли въ этомъ никакой опасности. Совершенно справедливо удивлялись иные изъ насъ, когда началась война: „Чего нѣмцамъ нужно было? Жили у насъ, торговали, наживали,— все имъ мало".

Конечно, всякій народъ старается прежде всего о себѣ, и если сосѣди податливы да знанія у нихъ не хватаетъ самимъ работать, то болѣе знающій и работящій народъ возьметъ верхъ, воспользуется случаемъ разбогатѣть на счетъ сосѣда. Нѣмцевъ можно осуждать за то, что, не довольствуясь справедливымъ заработкомъ за свою работу, они старались поставить насъ въ такое положеніе, чтобы мы и торговаться съ ними не смѣли. Одна изъ причинъ, почему именно теперь вспыхнула война,— предстоявшее возобновленіе торговаго договора Россіи съ Германіей. Въ торговомъ договорѣ правительства разныхъ странъ уговариваются насчетъ платежа таможенныхъ пошлинъ и всякихъ льготъ купцамъ. Льготы должны быть взаимны, чтобы была обоюдная выгода обоимъ народамъ. Въ 1904 году намъ пришлось возобновлять торговый договоръ съ нѣм-

цами. Въ то время мы вели тяжелую и неудачную для насъ японскую войну; Германія воспользовались этимъ и заставила насъ принять невыгодный для насъ договоръ, по которому нашъ хлѣбъ, скотъ и прочія сельскохозяйственныя произведенія, ввозившіяся въ Германію, должны были платить громадную пошлину. Тогда мы вынуждены были согласиться на все, потому что у насъ руки были связаны. Въ 1917 году предстояло возобновленіе этого торговаго договора. Мы оправились послѣ японской войны, армія преобразовалась, у насъ явились новыя учрежденія — Государственная Дума, народное представительство, заступающееся за народные интересы, крѣпче стало земство, сами сельскіе хозяева стали объединяться въ общества, и всѣ въ одинъ голосъ требовали, чтобы торговые договоры были пересмотрѣны въ нашу пользу, потому что три четверти русскаго народа живутъ сельскимъ хозяйствомъ и отъ стѣсненія въ продажѣ сельскихъ произведеній бѣднѣетъ все наше государство. Нѣмцы видѣли, что мирнымъ путемъ имъ не добиться уступокъ, и рѣшили попробовать счастья на полѣ битвы въ расчетѣ на то, что мы будемъ побѣждены и вынуждены подписать еще болѣе разорительный для насъ торговый договоръ, чѣмъ въ 1904 году.

Это себялюбіе нѣмцевъ, желаніе во что бы то ни стало и безъ стѣсненія высасывать чужіе соки еще дополняется другой чертой ихъ нрава—жестокостью, которая сказалась

во время войны. Всѣ читали въ газетахъ про нѣмецкія звѣрства, что достовѣрно извѣстно, достаточно, чтобы возмутить самаго спокойнаго человѣка. Есть люди нейтральныхъ, то-есть невоюющихъ странъ,—швейцарцы, голландцы,—которые описывали эти звѣрства и возмущались ими. Въ сраженіи нѣмцы примѣняютъ оружіе, запрещенное международными договорами,—разрывныя пули, ядовитые удушающіе газы (отравленный воздухъ). Послѣ сраженія они иногда добиваютъ раненыхъ, не щадятъ служащихъ Красному Кресту, то-есть людей, которые не воюютъ, а врачуютъ и перевязываютъ раны и нашимъ, и нѣмцамъ. Еще хуже: нѣмцы не щадятъ мирныхъ жителей, летаютъ надъ мирными городами и швыряютъ въ толпу бомбы, убивающія женщинъ и дѣтей, нападаютъ въ морѣ подводными лодками на торговые пароходы, везущіе тоже мирныхъ жителей, и топятъ ихъ даже безъ предупрежденія, не давая возможности спастись. Такъ, на кораблѣ *Лузитанія* погибло болѣе 1500 человѣкъ, изъ нихъ нѣсколько сотъ американцевъ, которые вовсе въ войнѣ не участвуютъ. Когда нѣмцы вступаютъ въ какой-нибудь городъ, то облагаютъ его тяжелымъ поборомъ (контрибуціей), захватываютъ имущество жителей, возами увозя его къ себѣ въ Германію, забираютъ мужчинъ и заставляютъ ихъ, какъ крѣпостныхъ, работать на себя, рыть окопы и т. п., а за малѣйшее ослушаніе разстрѣливаютъ.

Третье и самое позорное, что обнаружили

нѣмцы во время настоящей войны,—лживость и вѣроломство. Самый яркій примѣръ тому былъ ихъ поступокъ съ Бельгіей. Бельгія — маленькое государство между Франціей и Германіей, никогда не думавшее воевать, мирно занимавшееся торговлей и фабриками. Всѣми государствами она была объявлена нейтральной, т. е. всѣ сосѣди обязались не трогать ея во время своихъ войнъ, и бельгійцы, въ свою очередь, обязались не принимать ничьей стороны, ибо, какъ слабое государство, они, конечно, не могли бороться съ „великими державами". Германія въ числѣ другихъ подписала этотъ договоръ, но когда императоръ Вильгельмъ и его генералы рѣшили, что имъ выгоднѣе напасть на французовъ врасплохъ съ той стороны, съ какой тѣ не ожидаютъ, т. е. черезъ Бельгію, то они не задумались нарушить свое слово, а когда англичане напомнили имъ договоръ, то нѣмецкій министръ отвѣтилъ: „что̀ намъ эта бумажка!" Вѣроломно нарушивъ договоръ, пользуясь слабостью Бельгіи, нѣмцы разсчитывали, что бельгійцы не посмѣютъ имъ сопротивляться. Между тѣмъ бельгійцы рѣшили лучше умереть или покинуть родину, чѣмъ покориться силѣ и вѣроломству. Правда, Бельгія была захвачена и до сихъ поръ еще стонетъ подъ нѣмецкимъ игомъ, но каждый шагъ тамъ нѣмцамъ пришлось покупать кровью; бельгійцы задержали ихъ наступленіе, дали Франціи время изготовиться, и весь ходъ войны, какую нѣмцы надѣялись

окончить въ два мѣсяца, измѣнился — и планъ Вильгельма разрушился.

Своимъ вѣроломствомъ нѣмцы причинили вредъ самимъ себѣ, потому что, во-первыхъ поступокъ съ Бельгіей возмутилъ англичанъ которые черезъ нѣсколько дней послѣ начала войны присоединились къ намъ и французамъ; во-вторыхъ, этотъ поступокъ показалъ міру, что нѣмцамъ нельзя вѣрить въ самыхъ торжественныхъ обѣщаніяхъ и договорахъ, которые они нарушаютъ, какъ только это имъ выгодно. Въ теченіе войны они вели долгіе переговоры съ итальянцами, старались ихъ сохранить на своей сторонѣ и хоть бы удержать отъ выступленія противъ нихъ, при чемъ даже обѣщали имъ многое на случай своей побѣды. И, несмотря на эти заманчивыя обѣщанія, итальянцы присоединились къ намъ отчасти изъ того опасенія, что нѣмцы въ случаѣ побѣды своего обѣщанія не исполнятъ, потому что тогда итальянцы уже будутъ имъ не нужны и не страшны. Такъ нѣмцы нажили себѣ еще одного врага. Безчестное дѣло несетъ въ самомъ себѣ наказаніе.

Вотъ, зная всѣ эти качества и пороки нѣмцевъ, надо намъ отдать себѣ ясный отчетъ, каковъ нашъ противникъ и чѣмъ можно его побѣдить.

III.

Иному кажется, что надо бить прямо и просто всякаго встрѣчнаго нѣмца: гнать, разорять, отнимать имущество. Такъ и про-

бовали, къ сожалѣнію, дѣлать люди, которые не умѣютъ видѣть дальше того, что у нихъ передъ глазами, и не соображаютъ послѣдствій своихъ поступковъ. Можно, конечно, понять озлобленіе противъ нѣмцевъ на фронтѣ. Дѣйствительно, ихъ жестокости могутъ возмутить всѣхъ, и руки поднимаются наказать ихъ за безобразія надъ мирными беззащитными жителями, за мученія, причиняемыя нашимъ раненымъ и плѣннымъ. Но бить мирнаго нѣмца здѣсь, въ глубинѣ Россіи, за то, что дѣлаютъ нѣмецкіе солдаты по приказу Вильгельма,—несообразно со справедливостью. Можно опасаться всякаго нѣмца, можно держать отъ него въ тайнѣ всѣ наши дѣла, даже высылать его изъ такой мѣстности, гдѣ онъ можетъ быть опасенъ доглядываніемъ. Предосторожность на всякій случай не мѣшаетъ. Но нельзя человѣка бить „на всякій случай“. А главное теперь, когда много нѣмцевъ уже выслано въ далекія губерніи или Сибирь, а имущество ихъ взято подъ надзоръ правительства, не на комъ сорвать нашу досаду, и вмѣсто нѣмцевъ страдаютъ наши сограждане. Когда громили нѣмецкіе магазины въ Москвѣ, то только четверть пострадавшихъ были дѣйствительно нѣмцы; остальные — русскіе или наши давніе друзья и союзники французы. У насъ есть много совершенно обрусѣвшихъ семействъ. Есть люди, носящіе нѣмецкія фамиліи, не только русскіе подданные на бумагѣ по документамъ, а дѣйствительно заправскіе русскіе по духу. Писатель Фонвизинъ, осмѣяв-

шій еще при царицѣ Екатеринѣ крѣпостное право, Энгельгардтъ, извѣстный писатель по сельскому хозяйству, ученый знатокъ русскаго языка Гротъ, генералъ графъ Келлеръ, убитый въ японскую войну, министръ Бунге, которому народъ обязанъ отмѣной подушной подати и соляного налога,—все это были полезные граждане, вѣрные сыны Россіи несмотря на свои нѣмецкія имена. Можно понять, какую обиду долженъ чувствовать человѣкъ, который служитъ вѣрой и правдой отечеству, если его начинаютъ бить, не разбирая дѣла, только за то, что у него не русская фамилія, которая досталась ему отъ прадѣда. А когда толпа нападаетъ безъ разбора на всякаго, то такъ всегда и случается. Кромѣ обиды, человѣку причиняютъ разореніе, и государство не можетъ не вознаградить такого безвинно пострадавшаго. Платить приходится изъ казны, то-есть всему народу. Выходитъ, что тѣ, кто билъ или грабилъ товаръ въ магазинѣ, причинялъ этимъ убытокъ самому себѣ, всему народу.

Вреднѣе, чѣмъ убытокъ, остается отъ такихъ погромовъ злоба, обида невинно побитыхъ людей; значитъ, меньше дружнаго единенія, меньше охоты сражаться за общее отечество. А теперь какъ разъ наоборотъ, намъ нужно единеніе. Тѣ, кто вноситъ рознь, смуту, безпорядокъ, играютъ на-руку нѣмцамъ, которые иногда сами стараются вызвать замѣшательство, затруднить снабженіе арміи: напримѣръ, передъ самымъ объявленіемъ войны подстрекали рабочихъ

къ забастовкамъ — кучу такихъ воззваній къ забастовкѣ нашли въ германскомъ посольствѣ въ Петроградѣ во время его разгрома.

Иные думаютъ еще, что мы должны примѣнять къ нѣмцамъ всѣ тѣ средства, къ какимъ прибѣгаютъ они. На полѣ сраженія это безусловно вѣрно: если они пускаютъ противъ нашихъ солдатъ ядовитый воздухъ, то и мы должны отвѣчать тѣмъ же. Но повторять ихъ жестокости мы не можемъ и не должны. Нельзя убивать невинныхъ, мучить плѣнныхъ, нельзя разорять мирные города, пускать ко дну морскому мирныхъ торговыхъ людей, нельзя отравлять воду въ колодцахъ, изъ которой пьютъ всѣ жители. Есть вещи, которыя претятъ нашей русской совѣсти, и этой совѣсти мы не только не должны заглушать, но можемъ ею гордиться. Мы не должны въ разгарѣ самой жестокой борьбы забывать Божескія заповѣди, ибо нарушеніе ихъ отзовется потомъ общимъ одичаніемъ и озлобленіемъ. Привыкнувъ во время войны небрежно смотрѣть на человѣка, мы и послѣ войны останемся жестокими, и жизнь на землѣ сдѣлается адомъ, какъ она сдѣлалась бы, если бы нѣмецкій царь побѣдилъ и отравилъ всѣ народы своими ложными мыслями, себялюбіемъ и самомнѣніемъ. Кромѣ того, всѣ эти насилія и жестокости надъ мирными жителями оказываются ненужными для успѣха на войнѣ, какъ это видно изъ примѣра самихъ нѣмцевъ. Они воображали запугать всѣ народы своей жестокостью, думали, что французы и англичане запросятъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
549513

мира, когда нѣмцы начнутъ съ самолетовъ (аэроплановъ) метать бомбы въ ихъ мирные города. Однако союзники не только не запросили мира, а, напротивъ, еще больше озлобились и рѣшили во что бы то ни стало вести войну до конца. Да и нѣмцы сами не испугались, когда у насъ въ Москвѣ произошелъ нѣмецкій погромъ. Въ ожесточеніи нынѣшней войны уже не обращаютъ вниманія на отдѣльныя жертвы. Императору Вильгельму вовсе безразлично, что побьютъ нѣсколько тысячъ нѣмцевъ въ Россіи: все равно онъ укладываетъ на поляхъ сраженій десятки тысячъ ежедневно. Еще меньше обратитъ онъ вниманія на разореніе, убытки, когда онъ заставляетъ теперь весь свой народъ ѣсть „военный хлѣбъ“ по полфунта въ день и забираетъ все, даже мѣдные колокола церквей, для изготовленія снарядовъ. Войну можно выиграть не жестокостями, а правильно веденнымъ планомъ, общимъ напряженіемъ, усиліями сотенъ милліоновъ людей, одушевленныхъ однимъ желаніемъ и скрѣпленныхъ общей любовью къ родинѣ, готовностью помогать другъ-другу. Послѣ страшнаго напряженія и жертвъ въ теченіе цѣлаго года нѣмцы не могутъ быть теперь увѣрены въ побѣдѣ, которую имъ обѣщалъ такъ быстро ихъ императоръ. Какъ бы ни были они послушны и терпѣливы, чувство недовольства войной должно расти въ нихъ, и намъ важно, чтобы среди нихъ пробудилось желаніе покончить съ войной и со всѣми затѣями Вильгельма. Между тѣмъ, каждая

жестокость, еще раздуваемая нѣмецкими газетами, поднимаетъ въ нихъ чувство мести, крѣпче сплочиваетъ ихъ и даетъ ихъ правительству возможность говорить своему народу: смотрите, что съ вами дѣлаютъ русскіе, воюйте же до конца, потому что иначе васъ всѣхъ перерѣжутъ. Нужно, чтобы сами нѣмцы поняли, что мы воюемъ только для защиты себя и міра отъ нѣмецкаго варварства и что мы не желаемъ зла мирному населенію, когда оно не вредитъ намъ.

IV.

Мы всѣ надѣемся на побѣду, мы твердо рѣшили воевать до тѣхъ поръ, пока не сокрушимъ нѣмцевъ, да такъ сокрушимъ, чтобы на долгое время обезпечить себя и все человѣчество отъ ихъ жадности и властолюбія. Но чтобы этого достигнуть, надо ясно понять, что̀ отъ насъ требуется. Нынѣшняя война не можетъ быть выиграна однимъ счастливымъ сраженіемъ. Исходъ ея меньше, чѣмъ въ прошлые вѣка, зависитъ отъ талантливаго полководца, и побѣда обезпечивается не однимъ продвиженіемъ войскъ впередъ. Въ теченіе всего года мы видѣли, какъ войска двигались впередъ и назадъ: сперва нѣмцы одолѣвали, дошли до Варшавы, а на западѣ до Парижа. Потомъ мы продвинулись впередъ, захватили почти всю Галицію, одно время доходили до Кракова, перевалили Карпаты. Потомъ опять пришлось отступать. Подробности этихъ передвиженій понятны только для людей, изучавшихъ воен-

ныя науки, но для всѣхъ ясно, что для окончательной побѣды нужно не захватить какой-нибудь городъ, не завладѣть извѣстной областью, а поразить, какъ говорятъ, „живую силу“ непріятеля, уничтожить его армію, лишить его способности сопротивляться. Нѣмцы съ мая двигались все впередъ, заняли Львовъ, Варшаву и могли бы похвастать побѣдой, а между тѣмъ они не такъ-то радуются, потому что имъ нужно было захватить всю русскую армію, они надѣялись окружить ее и истребить или заставить сдаться въ плѣнъ. Отступивъ въ порядкѣ и сохранивъ свою силу, мы остались такъ же страшны для нѣмцевъ, какъ и раньше, только поле сраженія передвинулось ближе къ намъ. Самое тяжелое въ этихъ передвиженіяхъ, конечно, то, что приходится временно отдавать свои кровныя земли, подвергать мирныхъ жителей, нашихъ соотечественниковъ, ужасамъ нашествія такого непріятеля, какъ нѣмцы. Однако, когда въ 1812 г. Наполеонъ стоялъ передъ Москвой, Кутузовъ имѣлъ благоразуміе и мужество рѣшиться на крайнее средство — отдать Москву французамъ, говоря: „съ потерей Москвы не погибла Россія, пока у нея цѣла армія“. И, дѣйствительно, онъ этимъ спасъ Россію. Отсидѣвши безъ пользы въ Москвѣ пять недѣль, Наполеонъ вынужденъ былъ отступать, былъ при отступленіи разбитъ, бѣжалъ съ остатками арміи во Францію и въ концѣ-концовъ былъ сверженъ и заточенъ на далекомъ морѣ на островѣ св. Елены.

Русь видала у себя и татаръ, и поляковъ, и французовъ, и иногда казалось, что все государство погибаетъ, а въ концѣ-концовъ мы выходили побѣдителями изъ борьбы, даже когда насъ было во сто разъ меньше народа въ странѣ, чѣмъ теперь, когда у насъ не было никакихъ союзниковъ, когда мы были и бѣднѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ теперь. Дружный отпоръ, который давалъ народъ врагу, стойкая защита отечества всегда вывозила насъ, вывезетъ и теперь. Неужели мы стали хуже нашихъ предковъ?

Нынѣшняя война совершенно исключительная и отъ народа требуетъ иного отношенія, чѣмъ прежнія, развѣ за исключеніемъ войны съ Наполеономъ въ 1812 году. Въ прежніе вѣка, напр., при Суворовѣ, войска были невелики — нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, по теперешнему одинъ корпусъ. Служили солдаты лѣтъ по 25, остальной народъ занимался даже во время войны мирнымъ дѣломъ, и какъ бы ни были велики потери на войнѣ, онѣ составляли лишь ничтожную долю населенія страны. Съ Наполеона и даже немного раньше войска стали увеличиваться, стали вербоваться со всего народа, введена была всюду (у насъ съ 1874 года) всеобщая воинская повинность. Сообразно съ этимъ возрастали и расходы войны, возрастали потребности арміи: вѣдь массу солдатъ надо прокормить, вооружить. Уже Наполеонъ привелъ въ Россію армію въ 600 тысячъ человѣкъ, и тогда она казалась небывалымъ полчищемъ. Однако, те-

перь ея не хватило бы на одно большое сраженіе. Нѣмцы въ своемъ стремленіи подчинить себѣ весь міръ пошли дальше, стали набирать все больше войска, обратили весь свой народъ въ солдатъ, а все государство въ военную мастерскую. Ихъ сила въ томъ, что они съ самаго начала войны поняли, что нынѣшняя война требуетъ напряженія силъ всего народа, никто не можетъ остаться въ сторонѣ отъ нея, всѣ должны помогать и нести ея тягости. Въ теченіе всего года нѣмцы жили только одной мыслью и заботой о войнѣ и все пригоняли къ одной цѣли.

А мы? Что мы дѣлали этотъ годъ? Занимались своими дѣлами, ѣли, пили, даже веселились, и временами забывали про войну тѣ, у кого не было родныхъ на фронтѣ. Мы полагались на нашу храбрую армію, не отдавая себѣ отчета, насколько мы обязаны ей помогать отсюда, извнутри Россіи. Когда была полоса удачныхъ дѣйствій, мы успокоились на этомъ. Намъ казалось, что теперь все идетъ какъ по маслу и солдатики дѣлаютъ себѣ дѣло сами, а намъ остается только сидѣть спокойно дома да похваливать ихъ да отъ времени до времени посылать имъ подарки. И то еще стали жаловаться, что слишкомъ часто собираютъ пожертвованія. Неудачи и временное отступленіе были намъ наказаніемъ за наше недомысліе и нашу лѣнь.

Современная война требуетъ, во-первыхъ, огромныхъ массъ войска, во-вторыхъ, образцоваго снаряженія. Мы выставляемъ на

фронтъ больше народа, чѣмъ при Петрѣ Великомъ было всего жителей въ Россіи. А все это войско надо одѣть, прокормить, снабдить оружіемъ на все время войны. Для этого страна должна непрерывно производить и подвозить къ фронту всякіе припасы, должна урѣзывать себя въ самомъ необходимомъ, лишь бы дать солдату все, что нужно, потому что одѣтый, сытый и согрѣтый солдатъ можетъ лучше вести войну, чѣмъ истощенный лишеніями. Поэтому нужно напрягать всѣ свои силы внутри страны, чтобы никакъ не допустить уменьшенія производства всякихъ припасовъ. Каждый оставшійся долженъ работать за двоихъ. Вся задача страны использовать всѣ наши рабочія силы, чтобы ни одна не пропадала.

Слава Богу, наша страна богата хлѣбомъ и всякой живностью, и солдатъ нашъ такъ хорошо накормленъ, какъ ни въ одну предшествующую войну. Но хуже обстоитъ дѣло съ вооруженіемъ. Теперь война, какъ и промышленность, все болѣе прибѣгаетъ къ усовершенствованному сложному орудію. Нѣмцы, которые сильно подвинули свою промышленность и вообще горазды на всякія изобрѣтенія, замѣняющія работу человѣка машиной, примѣняютъ машину и на войнѣ, тѣмъ болѣе, что людей-то у нихъ не такъ много, какъ у насъ. Всѣмъ теперь извѣстно, что преимущество нѣмцевъ въ томъ, что у нихъ больше всякихъ орудій. Ихъ войско — походная фабрика. Благодаря богатству снаряженія, они не особенно и цѣнятъ его и

легко отдаютъ, если намъ случается ихъ захватить врасплохъ. Чтобы побѣдить ихъ, нужно имѣть столько же орудій, какъ они, и такъ же хорошо и постоянно снабжать армію снарядами. Въ этомъ не только мы, а и промышленный народъ англичане пока еще уступаютъ нѣмцамъ и потому не могутъ покончить войны такъ скоро, какъ надѣялись вначалѣ. Англійскій министръ Ллойдъ-Джорджъ говорилъ. „Намъ надобенъ всемірный потопъ бомбъ. Намъ надобно столько бомбъ, чтобы дождь ихъ лилъ безпрерывно сорокъ дней и сорокъ ночей. Тогда нѣмецкая плотина дрогнетъ“. Совершенно то же и на нашемъ фронтѣ. Тамъ, гдѣ у насъ было достаточно снарядовъ, мы оттѣсняли нѣмцевъ. Нѣтъ обиднѣе чувства для солдата, когда приходится уступать противнику только потому, что нѣтъ подъ рукой снарядовъ, — голыми руками или одними штыками нынче одолѣть нельзя. Потому наша первая обязанность дать солдату оружіе. На насъ всѣхъ падетъ отвѣтственность въ случаѣ неудачи, мы всѣ должны знать и помнить — побѣда достанется тому народу, который сумѣетъ лучше снарядить своего солдата, быстрѣе и больше работаетъ. Теперь фабричный рабочій за станкомъ или машинистъ въ поѣздѣ, подвозящемъ снаряды и продовольствіе для арміи, — такіе же солдаты, какъ тѣ, кто призванъ подъ оружіе и сидитъ въ окопахъ или идетъ въ атаку. Пусть каждый токарь на заводѣ, каждый сцѣпщикъ вагоновъ на желѣзной дорогѣ

проникнутся этой мыслью, что отъ нихъ зависитъ побѣда, пусть работаютъ такъ, какъ будто передъ ними стоитъ непріятель, пусть помнятъ, что отъ быстроты и точности ихъ работы зависитъ и жизнь тысячи русскихъ воиновъ и спасеніе всего отечества отъ нашествія нѣмцевъ.

Мы работаемъ медленно, частенько халатно относимся къ тому дѣлу, какое намъ довѣрено, и за эту небрежность приходится расплачиваться страшной цѣной. Вотъ одинъ примѣръ. Въ Москвѣ лѣтомъ стали усиленно готовить повязки, которыя должны предохранить нашихъ солдатъ отъ ядовитыхъ газовъ, пускаемыхъ нѣмцами. Завели большую мастерскую, въ которой работало нѣсколько сотъ работницъ. И вотъ наканунѣ Казанской, 7 іюля, случилось страшное несчастіе. Одинъ рабочій, закуривая „цыгарку“, бросилъ зажженную спичку въ банку съ клеемъ, разведеннымъ на бензинѣ. Бензинъ вспыхнулъ, весь домъ сгорѣлъ, погибло 11 человѣкъ, 80 чел. обгорѣло, а главное — погибло заготовленное снаряженіе, матеріалъ, остановилась работа, и отъ небрежности одного рабочаго армія лишилась на нѣкоторое время самой необходимой для нея вещи. Говорятъ, — простота хуже воровства. Теперь, во время войны, можно сказать, что простота и небрежность хуже измѣны.

Война строгое, тяжкое, но полезное испытаніе для народа. Тутъ ужъ нельзя отъиграться, нельзя надѣяться на счастливый случай и нельзя только обвинять другихъ

при неудачѣ. Побѣда дается въ награду за усилія всего народа. Всегда быть на чеку, всю душу отдать одному дѣлу спасенія отечества, чувствовать себя единымъ со всѣми тѣми, кто стоитъ на позиціяхъ — вотъ чего въ правѣ ожидать отъ насъ родина и та доблестная армія, которая уже цѣлый годъ грудью защищаетъ насъ всѣхъ.

Не только дѣломъ можно поддержать армію, а всѣмъ настроеніемъ, духомъ народа. Отъ нашей бодрости, спокойствія, увѣренности въ успѣхѣ и армія пріобрѣтаетъ больше силы и твердости. Она видитъ, что ея труды цѣнятся, что ее готовы поддержать въ дни успѣха, какъ и въ минуты неудачъ, и оттого бодрѣе переноситъ усталость и неудачи, у нея больше сознанія отвѣтственности передъ народомъ, больше желанія у солдатъ вернуться домой не иначе какъ съ побѣдой, оправдать ожиданія и вознаградить весь народъ за его усилія и жертвы. Всѣ бывшіе на фронтѣ единогласно разсказываютъ, какъ бодро переноситъ армія всѣ тягости, какъ спокойно увѣрена въ побѣдѣ. А между тѣмъ здѣсь, въ глубокомъ тылу, люди, сидящіе спокойно, сытые и обутые, приходятъ въ отчаяніе отъ каждой телеграммы, иной разъ отъ простого слуха о сдачѣ города, отъ называемаго наугадъ количества убитыхъ и раненыхъ. Эти росказни и толки, это вѣчное нервничанье отражаются на общемъ духѣ, могутъ въ концѣ-концовъ отразиться и на войскѣ, къ которому дохо-

дятъ отголоски съ родины. Германскій главнокомандующій Гинденбургъ сказалъ въ началѣ войны, что побѣда достанется тому народу, у котораго нервы крѣпче, и отчасти онъ былъ правъ, потому что малодушіе и уныніе мѣшаютъ смотрѣть на вещи спокойно, оцѣнивать ихъ здраво, отнимаютъ силы и время, которое такъ дорого во время войны: руки опускаются у человѣка, неспособнаго сдержать своихъ страховъ. Истинный герой и умереть умѣетъ спокойно, улыбаясь, а слабый, трусливый человѣкъ отъ всякой боли пугается и воображаетъ, что ему приходитъ смерть. То же и въ народной жизни. Нашъ народъ на рѣдкость выносливъ, нашъ солдатъ заслужилъ уваженіе противниковъ своей храбростью. Будемъ же достойны его, и пусть вся армія знаетъ, что народъ стоитъ такъ же твердо, какъ она, пусть раненые, возвращаясь сюда, встрѣчаютъ только спокойныя лица, пусть письма, которыя мы посылаемъ солдатамъ, приносятъ имъ утѣшеніе и укрѣпляютъ ихъ въ бодрости вмѣсто того, чтобы внушать безпокойство и уныніе. Стыдъ той женѣ или матери, которая не умѣетъ скрыть своего горя отъ разлуки! Стыдъ ей, если встревожитъ она близкаго человѣка, ослабитъ его руку, размягчитъ его душу жалобой, которой онъ все равно безсиленъ помочь. Въ Англіи многія женщины не носятъ чернаго платья по своимъ покойникамъ, чтобы не внушать печальныхъ мыслей народу. Собственное горе должно теперь за-

таиться въ душѣ глубоко, стушеваться передъ общимъ великимъ дѣломъ, передъ всенародной тяготой.

V.

Намъ нужно напрячь всѣ силы и одолѣть нѣмцевъ во что бы то ни стало и сколько бы времени это ни взяло, потому что отъ этого зависитъ судьба нашего отечества да и всего человѣчества на цѣлые вѣка. Мы уже видѣли, какъ ведутъ войну нѣмцы, мы знаемъ, какъ они смотрятъ на остальное человѣчество. Они въ насмѣшку называютъ насъ навозомъ, который годенъ для удобренія ихъ высшей образованности. Мы видѣли, какова эта образованность, и знаемъ, что послѣ побѣды нѣмцы стали бы еще заносчивѣе и грубѣе со всѣми сосѣдями. Нѣмцы отравили все человѣчество своими грубыми понятіями, что только въ силѣ право, что тотъ, у кого лучше пушки, можетъ подчинять и выжимать соки изъ болѣе слабыхъ народовъ. Они заставили всѣ народы вооружаться въ теченіе десятковъ лѣтъ, тратить на войска милліарды, которые могли бы съ пользой пойти на школы, дороги, улучшеніе быта народовъ. Въ случаѣ побѣды нѣмцевъ другимъ народамъ, которые не хотѣли бы итти въ подданство къ Вильгельму, пришлось бы еще усилить вооруженія, и такъ пошло бы безъ конца, пока человѣчество не разорилось бы окончательно. Но еще горше былъ бы вредъ нравственный. Нѣмцы ведутъ войну безпо-

щадно и безсовѣстно, убивая раненыхъ, грабя и насилуя мирныхъ жителей, дѣйствуя не только запрещенными средствами, напримѣръ, ядовитыми газами, но и обманомъ — подзываютъ бѣлымъ флагомъ подъ видомъ переговоровъ русскія войска и потомъ разстрѣливаютъ ихъ въ упоръ. Если бы при такихъ пріемахъ они остались побѣдителями, то доказали бы этимъ, что побѣда достается самому безсовѣстному, и другіе народы въ защиту отъ нихъ вынуждены были бы дѣлать то же самое. Людская совѣсть привыкла бы мириться съ этимъ, признавать полное господство кулака и коварства въ мірскихъ дѣлахъ. На землѣ не стало бы житья. Взаимное озлобленіе, жестокость и безчестность стали бы обычными и считались бы дозволенными, человѣкъ вернулся бы къ тому, чѣмъ онъ былъ до христіанства, которому нѣмцы противорѣчатъ всѣми своими дѣйствіями, хотя и взываютъ лицемѣрно къ „своему старому Богу“, какъ это говоритъ Вильгельмъ. Много вѣковъ бы понадобилось, чтобы человѣчество опять вернулось къ тому, во что вѣрило, чего держалось до сихъ поръ, къ чему пришли лучшіе умы, великіе люди и мудрецы прошлыхъ вѣковъ.

Инымъ можетъ показаться, что если нѣмцы такой ученый и трудолюбивый народъ, то они сумѣютъ ввести порядокъ во всякой странѣ, которую возьмутъ подъ свою власть. Дѣйствительно, нѣкоторые народы, какъ англичане, умѣютъ расположить къ себѣ даже завоеванные народы: буры въ Южной

Африкѣ покорены всего 15 лѣтъ тому назадъ, а теперь они вѣрные союзники англичанъ и воюютъ для нихъ съ нѣмцами. Но англичане умѣютъ располагать къ себѣ завоеванныя страны, давая имъ широкую свободу, самоуправленіе, уважая ихъ обычаи, заботясь объ обезпеченіи народнаго благосостоянія. Нѣмцы, совсѣмъ напротивъ, завоевывая страны, преслѣдуютъ исключительно свои выгоды, гонятъ и давятъ все, что имъ не подъ масть. Уже 50 лѣтъ они владѣли въ Европѣ французской областью Эльзасомъ и Лотарингіей, завоеванной въ 1871 г., датской областью Шлезвигомъ, захваченной Пруссіей въ 1864 г., и вездѣ за все это полустолѣтіе они сумѣли внушить только ненависть къ себѣ какъ къ угнетателямъ. Еще хуже положеніе въ нѣмецкой Польшѣ — Познани. Полякамъ запрещаютъ учиться по-польски, говорить на народныхъ собраніяхъ на своемъ родномъ языкѣ, ихъ старались вытѣснить изъ ихъ родовыхъ насиженныхъ мѣстъ, скупали ихъ земли и сажали туда нѣмецкихъ колонистовъ, а когда поляки стойко держались и не продавали своихъ земель нѣмцамъ, то въ Германіи былъ проведенъ законъ, который дозволилъ правительству насильно отбирать у поляковъ земли, чтобы сажать на нихъ нѣмцевъ. Изъ этого понятно, почему поляки такъ горячо откликнулись на призывъ бороться противъ нѣмецкаго засилья, почему всѣ народы считаютъ, что для блага человѣчества нужно

обуздать германское властолюбіе и освободить міръ отъ его захватовъ.

Для насъ, русскихъ, побѣда нѣмцевъ была бы гибельнѣе, чѣмъ для какого-либо другого народа. Вѣдь мы ближайшіе сосѣди ихъ. Легко себѣ представить, что стали бы нѣмцы продѣлывать надъ нами въ случаѣ побѣды. Мы видимъ, какъ они обращаются съ завоеванными землями — съ Бельгіей, частью русской Польши, захваченной съ начала войны, — облагаютъ жителей нещадными поборами, отбираютъ все, что имъ нужно или что понравится, выдавая вмѣсто платы ничего не стоящія записки, запрещаютъ крестьянамъ даже продавать свой урожай, потому что хотятъ сами имъ воспользоваться, по малѣйшему подозрѣнію сажаютъ людей въ тюрьму, разстрѣливаютъ, забираютъ молодыхъ работниковъ для работъ не только на мѣстахъ, но и въ глубинѣ Германіи, обращаютъ какъ бы въ крѣпостное состояніе всѣхъ мирныхъ жителей тѣхъ селъ и городовъ, которые имъ удалось захватить. Теперь они объясняютъ это нуждами военнаго времени. Но вѣдь они всегда могутъ сослаться на свои нужды. Важно то, что они не признаютъ никакихъ правъ мѣстнаго населенія, для нихъ Германія стоитъ выше всего свѣта и воля побѣдителя будетъ единымъ закономъ для всѣхъ побѣжденныхъ народовъ.

Отнятіе у насъ части государственной территоріи, т. е. губерній, намъ теперь при-

надлежащихъ, было бы только однимъ изъ послѣдствій неудачнаго исхода войны и сотни тысячъ бѣженцевъ остались бы навѣкъ безъ крова и земли. Но и все остальное государство русское и народъ пострадали бы не меньше.

Мы уже знаемъ и видѣли, какъ далеко проникли нѣмцы вглубь Россіи, сколько захватили земли, предпріятій въ торговлѣ и въ промышленности, дѣйствуя только мирнымъ давленіемъ, своей настойчивостью и трудолюбіемъ. Одержавъ побѣду, они перестали бы стѣсняться и обратили бы Россію въ свою данницу, стали бы со всѣмъ государствомъ нашимъ обращаться какъ съ своимъ помѣстьемъ. Прежде всего они наложили бы на него контрибуцію, т. е. заставили бы насъ заплатить за всѣ издержки войны, которую они же намъ навязали. Нѣмецкій министръ финансовъ уже высчиталъ, что война обойдется нѣмцамъ въ 35 тысячъ милліоновъ рублей и ихъ они желаютъ взыскать съ насъ. Чтобы ихъ уплатить, пришлось бы на много лѣтъ удвоить всѣ налоги. Лучше же теперь пожертвовать послѣднимъ, отдать все, что можемъ, на защиту отечества, на спасеніе его отъ нѣмецкаго хозяйничанья, чѣмъ отдавать потомъ на обогащеніе нашихъ враговъ.

Далѣе нѣмцамъ нужно захватить въ свои руки торговлю и промышленность, чтобы собирать съ насъ еще больше барышей, чѣмъ они до сихъ поръ дѣлали. Въ мирномъ договорѣ они поставятъ такія условія, которыя

дадутъ ихъ купцамъ возможность ввозить свои товары въ Россію, уплачивая низкія пошлины, а то и вовсе безъ нихъ, и этимъ лишатъ возможности работать наши фабрики и заводы. Они добьются того, что желѣзныя дороги будутъ дѣлать имъ скидки, что казенныя учрежденія вынуждены будутъ дѣлать имъ всякія поблажки,—и мы перестанемъ быть въ своей странѣ хозяевами. Они захватятъ всю вывозную торговлю нашимъ главнымъ богатствомъ хлѣбомъ и другими произведеніями земли. Еще до войны они захватили въ свои руки, напр., торговлю льномъ и не пропускали русскихъ купцовъ за границу, чтобы сберечь себѣ всѣ барыши отъ торговли. То же они сдѣлаютъ теперь со всѣми главными предметами нашего вывоза. Они будутъ ставить у насъ цѣны на хлѣбъ, мясо, лѣсъ, пеньку и т. п. Мы должны будемъ продавать имъ все задешево, вся прибыль отъ скупки достанется нѣмцамъ. Мы будемъ вывозить одно сырье, а перерабатываться оно будетъ на нѣмецкихъ фабрикахъ и весь заработокъ достанется германскому рабочему, а барышъ германскому фабриканту. Нѣмцы возьмутся и за природныя богатства Россіи,—лѣса, рыбныя ловли, разныя руды, которыхъ у насъ имѣется большое количество и еще мало нами разработаны. Они вынудятъ дать имъ концессіи, т. е. право исключительнаго пользованія этими богатствами, и, оплачивая грошомъ трудъ русскаго рабочаго, они будутъ вывозить къ себѣ эти богатства или развозить ихъ по

міру, опять-таки кладя себѣ въ карманъ всѣ барыши отъ продажи ихъ.

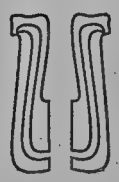
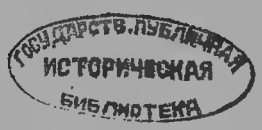
Наконецъ, нѣмцы приберутъ къ рукамъ и часть нашихъ земель. Во-первыхъ, у нихъ самихъ земли мало, и части нѣмецкаго народа приходится переселяться. Вмѣсто того, чтобы итти въ Америку, гдѣ они должны платить дорого за землю и подчиняться американскимъ порядкамъ, имъ выгоднѣе и пріятнѣе отбирать у насъ задешево земли и селиться у насъ господами. Вѣдь въ случаѣ пораженія на войнѣ каждый нѣмецъ въ Россіи будетъ чувствовать себя подъ охраной своего всемогущаго правительства, можетъ позволить себѣ все, что угодно, и не будетъ на него никакой управы. Нѣмцы добьются отмѣны для себя всѣхъ законовъ, которые теперь ограничиваютъ права иностранныхъ подданныхъ на покупку земель, и не будутъ даже для вида переходить въ русское подданство. Они уже и теперь открыто говорятъ, что цѣль ихъ—пріобрѣсти побольше земли, чтобы обезпечить себя хлѣбомъ на случай новой войны.

Наконецъ, нѣмцамъ нужно будетъ насажать въ Россіи своихъ людей, агентовъ, чтобы всегда досматривать за нами и держать насъ въ повиновеніи. Они будутъ намѣренно селить между нами нѣмцевъ, покупать имъ на государственный счетъ земли, будутъ всячески ихъ поддерживать, чтобы имѣть всюду сыщиковъ и подручныхъ, чтобы тѣ, въ случаѣ, если русскій народъ зашевелится и вздумаетъ сбросить съ себя нѣмец-

кое иго, во́-время предупредили и разстроили эти планы. Съ ними тогда ничего не подѣлаетъ и администрація, и полиція, потому что они будутъ пользоваться покровительствомъ своего правительства, и незаконныя дѣйствія будутъ имъ сходить съ рукъ. Мы не только будемъ платить дань нѣмцамъ и государство наше будетъ унижено передъ всѣмъ свѣтомъ, но каждый изъ насъ у себя на родинѣ будетъ чувствовать на своей шеѣ нѣмца.

Борьба безмѣрно трудна, требуетъ огромныхъ усилій, человѣческихъ и денежныхъ жертвъ. Но она неизбѣжна, и легче покончить съ ней разомъ, чѣмъ, обрывая на половинѣ, опять ожидать возобновленія ея черезъ нѣсколько лѣтъ.

Всѣ усилія, какія мы теперь сдѣлаемъ, вознаградятся сторицей не только тѣмъ, что мы отстоимъ свое отечество и не дадимъ его грабить, но и сами переродимся. Напряженная внимательная работа воспитываетъ человѣка, и послѣ побѣды мы вернемся къ мирному труду другими, чѣмъ были до войны. Мы станемъ въ ряду съ образованными народами, пробьемъ себѣ пути къ свободному морю и заживемъ новой жизнью. И все то, что было у насъ плохого въ отечествѣ, отчего мы до сихъ поръ страдали, исчезнетъ подъ нашими дружными усиліями, если мы будемъ имѣть терпѣніе и выдержку, не будемъ разъединяться и будемъ такъ же стойко работать въ мирное время, какъ и въ военное. Всякое испытаніе служитъ на

пользу человѣку. Мы обязаны отчетомъ передъ дѣтьми и внуками за то, какъ мы съ нимъ справимся. Отъ этого зависитъ будущность отечества. Много тяжелаго перенесъ уже русскій народъ за свою долгую исторію. Какъ ни трудно ему теперь, мы можемъ съ вѣрой въ него смотрѣть на будущее.

Вынесемъ все, что Господь ни пошлетъ,
Вынесемъ все — и широкую ясную
Грудью дорогу проложимъ себѣ.